

УДК 343.13

Критерии и пределы дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере

Сабиев С.Ш.

Старший преподаватель кафедры публичного и уголовного права
Российского нового университета (Москва)

В условиях цифровизации общественных отношений в последнее время наблюдается рост преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере. Возникают определённые проблемы в правоприменительной деятельности из-за специфики расследования преступлений. Эти факторы обуславливают актуальность исследования заявленной темы.

Целью исследования является создание уголовно-процессуальных механизмов, направленных на защиту лиц, осуществляющих деятельность в кредитно-финансовой сфере. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: разработать свойства и определить внешние и внутренние границы уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере, соответствующие назначению уголовного судопроизводства.

Научная значимость данного исследования заключается в том, что установление критериев и определение пределов исследуемого явления позволяют создавать эффективную уголовно-процессуальную форму, а сформулированные предложения могут стать основой для дальнейшего исследования вопросов о развитии и дифференциации уголовно-процессуальных форм.

Практическое значение исследования состоит в создании условий, направленных на обеспечение надежности и стабильности общественных отношений, складывающихся в кредитно-финансовой сфере.

В качестве основных результатов проведённого исследования можно выделить, что при дифференциации учитываются совокупность критериев, каждый из которых должен соответствовать задачам, конституционным положениям и принципам УПК РФ. Сделаны выводы о том, что общим критерием дифференциации уголовно-процессуальной формы по исследуемому вопросу является степень защищённости конституционно значимых отношений, возникающие в кредитно-финансовой сфере.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, дифференциация, внешние и внутренние пределы, критерии

В теории уголовного процесса учение о дифференциации уголовно-процессуальной формы прошло длинный путь развития от неприятия дифференциации как таковой [1, с. 51] до признания ее допустимости и даже обязательности, но с определенными ограничениями, пределами, в рамках которых протекает процесс дифференциации [2].

Согласно философскому определению, дифференциация – это сторона процесса развития [3, с. 170], в связи с чем неверно ассоциировать дифференциацию только с упрощением или только усложнением. Процесс развития предполагает и то, и другое. Если мы признаем, что процессуальная форма, как и любые правила, может развиваться, то,

безусловно, можно говорить о дифференциации как о черте, свойстве, так и об определенной тенденции, то есть направленности во взглядах или действиях [4] ее инициатора.

Как и любая отрасль права, уголовный процесс развивается с изменением общественных отношений. Дифференциация является частью этого развития. Необходимость дифференциации в настоящий момент практически не оспаривается.

Однако для достижения целей дифференциации требуется разработка таких критериев и пределов дифференциации, которые бы соответствовали общему назначению уголовного судопроизводства, обозначенному в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В научных работах, как правило, в первую очередь рассматриваются вопросы о критериях дифференциации, во вторую – о ее пределах. Наиболее правильным, на наш взгляд, будет первоначально установить границы, рассматриваемого явления, после чего уже в заданных границах обосновать критерии.

Традиционно дифференциация проводится в двух направлениях: создание системы дополнительных процессуальных гарантий, приводящее к усложнению процессуальной формы, а также в направлении упрощения отдельных процедур [5, с. 42]. Кроме того, выделяют направление по созданию эквивалентных (альтернативных) процедур [6, с. 40]. В зависимости от выбранного направления различаются и пределы дифференциации.

Вместе с тем пределы дифференциации по созданию процедур с повышенной системой процессуальных гарантий или альтернативных процедур недостаточно исследованы научным сообществом. Их пределы определяются необходимостью создания упрощенных процедур, вызванной «материальными и организационными соображениями; необходимостью быстроты и простоты судопроизводства» [7, с. 134].

Пределы упрощения процессуальной формы в науке разработаны намного лучше, однако единства по этому вопросу не сложилось.

На взгляд О.В. Качаловой, ускоренным формам уголовного судопроизводства должны соответствовать ряд факторов, среди которых: задачи уголовного процесса, уменьшение социальной напряженности, процессуальная экономия, вынесение справедливого приговора [8].

По мнению Т.В. Трубниковой, упрощение возможно, пока оно не создает препятствий в реализации права участников уголовного процесса на судебную защиту и в то же время гарантирует реализацию права общества на судебную защиту значимых публичных интересов [7, с. 133, 135].

Стоит согласиться с тем, что судебная защита – один из важнейших государственных способов за-

щиты прав, свобод и законных интересов субъектов права, но не единственный. Более того, безоговорочная объективность суда также вызывает сомнения [9, с. 40–45].

В этой связи более структурированной и точной видится позиция Е.В. Мищенко. Однако и она требует корректировки с учетом «усложненного» и «альтернативного» направлений дифференциации, а также с учетом проанализированных позиций ученых.

Е.В. Мищенко выделяет внешние и внутренние пределы дифференциации уголовно-процессуальной формы. В качестве внешних границ, по ее мнению, необходимо рассматривать следующие положения: дифференциация уголовно-процессуальной формы осуществляется в пределах общей уголовно-процессуальной формы; дифференциация осуществляется в пределах особенностей правового регулирования, ее порождающих. Внутренние же пределы ограничены предметом правового регулирования, теми уголовно-процессуальными отношениями, которые упорядочиваются с помощью такой формы, а также особым механизмом правового регулирования [10, с. 19, 150].

Структурно такая позиция видится оптимальной, однако смысловое содержание внешних и внутренних границ требует корректировки.

Ограничение внешних пределов дифференциации задачами уголовного судопроизводства, его принципами и конституционными положениями универсально и подходит для «усложненного», к которым мы, в частности, относим положения гл. 52 УПК РФ, и «альтернативного» направлений дифференциации.

Кроме того, помимо внешних пределов дифференциации, обусловленных задачами уголовного судопроизводства, его принципами и конституционными положениями, существуют и внутренние пределы. Внутренними они являются в силу того, что требуют создания процессуальной формы, ограниченной исключительно задачами и особенностями специфических уголовно-процессуальных отношений.

Сами внутренние пределы дифференциации должны соответствовать внешним, которые установлены в том числе и Конституцией РФ. Исключения из этого правила возможны, если такая необходимость объективно усматривается из специфики общественных отношений.

Исходя из предложенных групп пределов дифференциации, можно сформулировать пределы дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере. Специфика общественных отношений в кредитно-финансовой сфере заключается в том, что проведение предварительного расследования с использованием мер государственного принуждения создает определенные риски, угрозу дезорганиза-

ции как отдельных сегментов кредитно-финансовой сферы, так и деятельности отдельных юридических и физических лиц. Безусловно, развитие кредитно-финансовой сферы является в настоящее время приоритетом для государства. Существует также и общественный запрос на улучшение условий деятельности в кредитно-финансовой сфере [11].

Особенность уголовных дел в кредитно-финансовой сфере, а вместе с тем и уголовно-процессуальной формы по данным делам, проявляется в ряде проблем правоприменения: специфика предмета и порядка доказывания, особый круг субъектов доказывания (налоговые органы, органы финансового контроля и др.), взаимодействия указанных органов с органами, осуществляющими расследование [12, с. 178].

Таким образом, внутренними пределами дифференциации уголовно-процессуальной формы является совокупность общественных отношений, возникающих в кредитно-финансовой сфере, которые имеют конституционную значимость и требуют защиты.

Если порядок судопроизводства по некоторым делам должен обладать соответствующими особенностями, то для каждого вида или рода преступлений не может быть установлен свой, особый порядок производства [13, с. 103]. Для проведения дифференциации необходимы определенные основания, критерии, позволяющие объективно оценить, какие категории уголовных дел нуждаются в дифференцированном порядке расследования.

Обычно в науке выделяют такие основания дифференциации уголовно-процессуальной формы: степень сложности расследования дела, степень общественной опасности преступления, размер предусмотренного наказания, общественно-политическое значение дела, полнота реализации публичных начал, личность подозреваемого (обвиняемого) [6, с. 41].

Каждый из предложенных критериев характеризует преступление односторонне, при этом второй и третий критерий взаимообусловлены. Учитывая, что иногда преступления небольшой и средней тяжести сложнее расследовать, чем тяжкие и особо тяжкие, например: преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, где последствием может стать смерть человека, а порой и не одного, вызывают сильный общественный резонанс [14], в связи с чем требуют повышенных процессуальных гарантий как для потерпевших, так и для подозреваемых (обвиняемых). Следовательно, критерий тяжести не является безусловным, здесь на первый план выходит критерий общественно-политического значения дела, который относится к уже упомянутым преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ. Критерий полноты реализации публичных начал хоть и имеет под собой правовое основание, однако вопрос формы уголовного процесса ставится здесь в зависимость от желания конкретного субъекта. Это относится,

например, к положениям ч.ч. 2, 3 ст. 20 УПК, отдельные положения которой вызывают критику научного сообщества [15].

Такое несовершенство имеющихся критериев является основой для поиска предложений по их систематизации и выявлению в науке уголовного процесса.

Например, И.С. Дикарев под основаниями дифференциации понимает совокупность факторов, то есть существенных обстоятельств, которые обуславливают необходимость и возможность дифференциации, которые он разделяет на объективные (сложность расследования, тяжесть преступления, особые правовые режимы, действующие в конкретном месте, наличие предписаний, устанавливающих особые требования) и субъективные (поведение подозреваемого (обвиняемого), возраст, должностное положение, состояние здоровья подозреваемого (обвиняемого)) [16].

Кроме того, Т.В. Трубникова и Ю.К. Якимович одним из основных критериев дифференциации называют предмет и задачи производства, а также тип материально-правовых отношений, на котором то или иное производство основывается. На основе данного критерия все уголовно-процессуальные производства делились ими на основные, дополнительные и особые [17].

В свою очередь, В.И. Рохлин, Т.В. Николаева, говоря о критериях дифференциации форм предварительного расследования, считают безусловным критерием дифференциации тяжесть, при этом подчеркивают необходимость разделения критериев на обязательные (тяжесть преступления, психическое и физическое состояние лица, когда имеются сомнения в его вменяемости) и факультативные (сложность в расследовании, иные обстоятельства) [18].

Следовательно, мы приходим к выводу, что проведение дифференциации исключительно по одному определенному критерию неприемлемо, ввиду субъективности, отсутствия самодостаточности каждого из существующих в доктрине критериев. Подтверждение изложенному находим, к примеру, при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: учет критерия личности обвиняемого (подозреваемого) находит свое отражение в ч. 1 ст. 420 УПК РФ, в котором установлен возраст лица; ст. 421 УПК РФ устанавливает обстоятельства, подлежащие установлению в отношении несовершеннолетнего преступника. Критерий степени сложности расследования и разрешения дела обусловлен более расширенным списком обязательных участников (участие законного представителя, педагога, психолога и т.д.), а критерий степени общественной опасности и размера наказания находят свое воплощение в ст. 427 УПК РФ. Мы видим, что все критерии учтены в отсутствие каких-либо противоречий.

Автор статьи полагает, с учетом пределов дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам в кредитно-финансовой сфере, критерием дифференциации является степень (уровень) защищенности совокупности конституционно значимых общественных отношений, складывающихся в кредитно-финансовой сфере. Если законодатель считает, что в ходе расследования может быть причинен вред указанным отношениям и уровень их защиты низкий или достаточный, то уголовно-процессуальная форма дифференцируется в направлении усложнения (ч.ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ, ч. 3 ст. 20 УПК РФ) или упрощается (ч. 7 ст. 241 УПК РФ).

Данный критерий является «общим» и не исключает дифференциацию отдельных следственных и процессуальных действий, процедуры принятия решений по иным критерием, но с обязательным учетом «общего».

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Дифференциация уголовно-процессуальной формы ограничена внешними и внутренними пределами. Внешние пределы дифференциации определены задачами, принципами уголовного судопроизводства и конституционными положениями, универсально подходят для всех направлений дифференциации. Внутренние пределы ограничены исключительно задачами и особенностями специфических уголовно-процессуальных отношений.

2. Проведение дифференциации исключительно по одному конкретному критерию недопустимо, ввиду субъективности, отсутствию самодостаточности каждого из существующих в науке критериев. Поэтому при дифференциации необходимо учитывать совокупность нескольких критериев, при этом критерии должны согласовываться друг с другом.

3. Критерием дифференциации по уголовным делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере является степень (уровень) защищенности совокупности конституционно значимых общественных отношений, складывающихся в данной сфере.

Литература:

1. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.
2. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М.К. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 297 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info/word/tendentsija.html#.WI-CNaiUGM8> (дата обращения: 01.02.2024).
5. Клещина Е.Н. Тенденции и перспективы развития уголовно-процессуальной формы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2015. – № 2 (34). – С. 41–43.
6. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 211 с.
7. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 131–138.
8. Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1(62). – С. 141–149.
9. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: теоретические, процессуальные, криминалистические, этиологические и организационные аспекты: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – 409 с.
10. Мищенко Е.В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 458 с.
11. Соповещение о ситуации в банковской сфере // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64955> (дата обращения: 02.02.2024).
12. Гончар В.В., Захаров Д.Н. Вопросы совершенствования деятельности правоохранительных органов в области предупреждения, раскрытия и расследования киберпреступлений в кредитно-финансовой сфере // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 177–180.
13. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Юридическая литература, 1981. – 144 с.
14. Судья не избежала столкновения // ИД «Коммерсантъ». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5306835> (дата обращения: 02.02.2024).
15. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1 (6). – С. 5–19.

16. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18–21.
17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. Ю.К. Якимович. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 888 с.
18. Рохлин В.И., Николаева Т.Г. Понятие формы досудебного производства и проблемы его дифференциации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(30). – С. 13–16.

Criteria and Limits of Differentiation of the Criminal Procedural form in Cases of Crimes in the Credit and Financial Spheres

Sabiev S.Sh.
Russian New University

In the context of digitalization of public relations, recently there has been an increase in crimes committed in the credit and financial sphere. Certain problems arise in law enforcement due to the specific nature of crime investigations. These factors determine the relevance of the study of the stated topic.

The purpose of the study is to create criminal procedural mechanisms aimed at protecting persons operating in the financial sector. To achieve this goal, the following tasks are solved: to develop the properties and determine the external and internal boundaries of the criminal procedural form in cases of crimes in the credit and financial sphere, corresponding to the purpose of criminal proceedings.

The scientific significance of this study lies in the fact that establishing criteria and defining the limits of the phenomenon under study allows us to create an effective criminal procedural form, and the formulated proposals can become the basis for further research into questions about the development and differentiation of criminal procedural forms.

The practical significance of the study is to create conditions aimed at ensuring the reliability and stability of social relations emerging in the credit and financial sphere.

The main results of the study can be identified that differentiation takes into account a set of criteria, each of which must correspond to the objectives, constitutional provisions and principles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Conclusions are drawn that the general criterion for differentiation of the criminal procedural form on the issue under study is the degree of protection of constitutionally significant relations arising in the credit and financial sphere

Key words: criminal procedural form, differentiation, external and internal limits, criteria

